

**Статус слова в диалекте и критерии его определения:
достоверность русской диалектной лексики
в иноязычных ареалах**

Заявленная тема возникла в результате осмысления практики лексикологии и лексикографии первого десятилетия XXI в., при подборе лексического материала для Этимологического словаря славянских языков с 2002 г. и подготовке Этимологического словаря современного русского языка (Шапошников 2010) в 2001–2009 гг. (Шапошников 2003: 341–343). Как определить статус слова в языке (диалекте) и каковы могут быть критерии такого определения?

Статус слова в языке (диалекте) предлагаю понимать не в узко-лингвистическом смысле глагольной формы (в латинской грамматике) или особой категории имени существительного (в аккадской грамматике), а в широком общем значении «состояние, положение; состояние вопроса, положение дела». Любое слово как объект лексикологии и лексикографии непременно имеет определенный статус в языке, т. е. занимает актуальное положение на лексико-семантическом уровне языковой системы.

Вопросы о статусе слова, которые постоянно возникают при практической работе с лексикой, например, таковы:

1) как определить языковой статус иноязычных заимствований и неологизмов, лексико-грамматических и лексико-семантических инноваций, которые вошли в обиходную речь и вышли из употребления в краткий промежуток времени, к примеру *пейджер*, *лаптоп*, *кофибрейк*, *хэндаут*, *гаджет*, *таблет*? Вероятно, это — *слова-эфемеры*, их статус в русском языке — эфемерный. Или каков статус слов «албанского» языка Интернета типа *кликнуть* (мышкой) ‘нажать клавишу на компьютерной мышке (to click)’, *отксерить* ‘снять ксерокопию (документа) (to Xerox-copy)’, *мыло* ‘электронная почта (e-mail)’, *зачекиниться* ‘зарегистрироваться в социальной сети (to check in)’, *залайкать* ‘поставить оценку лайк (like) «нравится» под публикацией в Интернете»? Ведь они получают графическую фиксацию, но как долго и в каком составе они будут функционировать в русском обиходном языке, пока трудно угадать. Должны ли такие слова считаться словами русского языка? Нужно ли их включать в орфографические, толковые, этимологические словари русского языка? Или правильнее включать их в словари иностранных слов в словарные статьи с заглавным словом в оригинальной графике?

2) как определить языковой статус иноязычных заимствований в исторической лексикографии? В отечественной лексикографии устоялась практика недифференцированного включения в лексический фонд древнерусского и старорусского языков большого количества книжных церковнославянизмов из русско-церковнославянских списков XI–XVII вв. со староболгарских и старославянских текстов конца IX – начала XI вв. Обычно приводимые цитаты из адаптированных в той или иной степени иностранных памятников письменности (преимущественно церковного происхождения) никоим образом не подтверждают факта реального вхождения целой мириады слов в древнерусский и старорусский язык и речь. Статус церковнославянских слов, вхождение которых в древнерусский или старорусский язык ничем не подтверждено, предлагаю определять как исключительно книжные слова *литтерария тантум* (*litteraria tantum*). Кроме того, имеются категории слов, имеющих статус *hарах legomenon, гапаксов и псевдогапаксов, фантастических, мнимых слов, лексикографических фикций, слов-фантомов, неправильно прочитанных, испорченных и призрачных слов* (Астахина 2012: 110–116). Так как эксперимент для верификации и подтверждения актуального статуса слова в обиходном русском языке XI–XVII вв. невозможен, остаются только косвенные критерии определения реального вхождения иностранного слова в русский язык и речь. Пример из СДРЯ XI–XIV вв.: 79 *млѣко, млеко* + 18 *молоко* — частотные рейтинги как будто свидетельствуют о том, что *млеко* вошло в древнерусский язык и вытеснило оригинальное *молоко* из языка и речи (Шапошников 2007: 299–302). После отвода церковнославянских цитат выясняется, что *млеко* — *литтерария тантум* (иногда имеет помету «традиционно поэтическое»), иностранное слово, позднее употребляемое в редчайших случаях в поэзии (Крылов), но в язык и речь едва ли вошедшее, а *молоко* — напротив, полноценное употребительное слово древнерусского языка и речи.

3) как определить языковой статус неисконных слов в диалектах, говорах, социолектах, арго и т. п.? В частности, каков статус церковнославянизмов, причудливым образом попавших даже в диалекты, в фольклор (былины, заговоры, пословицы и поговорки)? Каков статус эфемерных слов в диалекте, к примеру, таких уникальных, как *манент* ‘момент’ (Мызников 2016)? Традиционная диалектология включает в диалектные словари всю лексику недифференцированно, зачастую допуская контаминацию в одной словарной статье исконного и неисконных омофонов, омонимов. При массовом сборе диалектной лексики во время полевых экспедиций XX в. зачастую не указывалось происхождение информантов, их двуязычие и т. п. нюансы. Каков статус «русской диалектной» формы, записанной со слов русскоязычного вепса, карела,

саама, коми-пермяка, вогула, ненца, бурята, якута, чукчи, ительмена, удьгейца, эвенка, айна? Как отделить слова, вошедшие в реальный русский говор, от слов в речи информанта, являющихся результатом интерференции родного языка? В большинстве диалектных словарей народных говоров Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока нет никаких помет о туземном происхождении информантов, поэтому многочисленная иноязычная лексика без какой бы то ни было верификации автоматически попадает в раздел «русское диалектное», получает статус русского слова. Не является гарантией исконности русского слова его происхождение из консервативных социолектов, в том числе идиомов религиозных сект, например. Так, в составе лексики старообрядцев Забайкалья вполне могут быть, и действительно имеются, «русские» неисконные слова из речи «обращенных» туземных жителей, наследников различного языкового и культурного прошлого. Аналогичная ситуация наблюдается в речи старообрядцев Северной и Южной Америки. В связи с расцветом диалектной этимологии последнего десятилетия такой недифференцированный «русский диалектный» материал становится объектом этимологического исследования и превращает начатый в 2007 г. многотомный этимологический словарь русского языка в грандиозный этимологический словарь языков народов Русского Севера, Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки. А расцветшая пышным цветом «научная» критика диалектных словарей, ловля лексикографических фантомов и фикций, придирчивый поиск фальсификации русской диалектной лексики, «исправление лексикографических ошибок» (яркие представители этого направления — А. Е. Аникин, И. Г. Добродомов, А. Ф. Журавлев, А. Б. Страхов, В. В. Шаповал), к сожалению, скользит лишь по поверхности русской диалектной лексикографии, не затрагивает главного — статуса слова в диалекте. Ведь теперь, за исключением редких случаев, нет возможности верифицировать весь русский диалектный паноптикум «на месте», подтвердив словарные статьи записью речи современных местных русских поселенцев, исключив данные записи «русского говора» иноязычных информантов, особенно в местах их компактного проживания. Ведь ныне традиционные диалекты Европейской части России едва ли существуют в результате общеобразовательной стандартизации, вымирания села и широкомасштабной внутренней миграции населения в XX в., а русские говоры Севера, Сибири и Дальнего Востока носят естественный смешанный характер ареалов вторичного освоения с переходом на них гетерогенного населения, в том числе в местах его компактного проживания. Действительно ли слова из языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока вошли в русские диалекты и говоры? Имеют ли они статус русских диалектных слов?

Какие критерии определения статуса русского слова можно было бы предложить для трех основных направлений русской лексикографии на ее завершающем этапе?

1) Для синхронической толковой и этимологической лексикографии не остается ничего другого, кроме следующих критериев: а) частотности словоупотребления и б) словообразовательной потенции производящей основы неологизма любой природы (ср. *КГБ* и *кагэбэшник*, *ПТУ* и *пэтэушник*, *пэтэушница*, *пэтэушный*). Если частотность словоупотребления стремится к нулю, а словообразовательный потенциал производящей основы ничтожен и не дает жизнеспособных производных, то эфемерное слово можно игнорировать в практической лексикографии.

2) Для диахронической лексикографии предлагаю следующие критерии: а) осознанный подбор письменных источников цитирования и эксцерпции для первого упоминания слова в текстах, все-таки отражающих актуальный язык и обиходную речь XI–XVII вв. (пробным камнем могут служить «Русская Правда», берестяные грамоты и т. п.); б) верификация путем обнаружения слова в русских народных говорах XIX–XX вв., иллюстрирующих его словообразовательную потенцию и жизнеспособность; в) верификация путем выявления слова в исторической ономастике, антропонимии, особенно исторической топонимии, которая неопровержимо свидетельствует о переносе еще апеллятивной формы, застывшей на новом месте поселения в виде топонима. Частотность словоупотребления, к сожалению, не может служить однозначным критерием определения статуса слова в исторической лексикографии. Приложение данных критериев к историческому лексическому материалу сократит объем словника (элиминирует гапаксы и заведомо иностранную лексику, которую уже зафиксировали словари церковнославянского, старославянского и староболгарского языков), очертит ареал происхождения и выживания слова.

3) Для диалектной лексикографии просто необходимы следующие критерии определения статуса слова в диалекте: а) широта распространения слова, представленность в нескольких диалектных ареалах (мультипликативный критерий): чем уже ареал уникального диалектного слова, тем больше вероятность его невхождения в язык и речь, вероятность его окказиональной природы; б) словообразовательная потенция производящей основы диалектного слова: отсутствие производных зачастую сигнализирует об изолированности диалектного слова, так и не вошедшего в язык и речь; в) ареальная ономастика, антропонимия, топонимия, особенно микротопонимия (так называемая народная географическая терминология), которые неопровержимо свиде-

тельствуют о переносе еще апеллятивных форм, застывших на новом месте в виде топонимов. Мультипликативный и потенциальный критерии позволяют элиминировать узкие регионализмы, гапаксы, лексикографические фантомы, фикции, фальсификаты и ляпсусы. Ареально-ономастический критерий верифицирует статус слова в диалекте, выявляет реальность вхождения туземных регионализмов в диалект русского языка.

Разработка общепринятой терминологии и соответствующей системы помет имеет, как следует из всего вышеизложенного, важное методологическое значение. Выяснение статуса диалектного слова оказывается полезным не только диалектологам-лексикографам, но и лексикографам диалектной этимологии.

Литература

- Астахина 2012 — *Астахина Л. Ю.* Призрачные слова в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И. М. Шеина, О. В. Никитин; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2012.
- Мызников 2016 — *Мызников С. А.* Лексика фольклора в СРНГ (22.11.2016) // Международный круглый стол «Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов» 22–23 ноября 2016 г. ИнСлав РАН, Москва.
- Шапошников 2003 — *Шапошников А. К.* Издательский проект: «Происхождение слов». Толковый этимологический словарь русского языка для широкого пользователя // Русистика на пороге XXI века: Проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции (Москва 8–10 июля 2002 г.) / сост. Н. К. Онипенко. М., 2003.
- Шапошников 2010 — *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников. В 2 т. М., 2010. Т. 1, 2.
- Шапошников 2007 — *Шапошников А. К.* Вчера и сегодня в русской языковой картине мира по данным частотных словарей русского языка разных эпох // И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 195-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского, 25–27 мая 2007 года / отв. ред. Г. А. Богатова, Н. И. Демидова; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2007. С. 299–302.

Summary

A. K. Shaposhnikov,
Vinogradov Institute of Russian Language
Russian Academy of Sciences

**The status of a word in a dialect and criteria of its definition: reliability of the
Russian dialect lexis in other-language- speaking areas**

In this paper the author introduces a concept of the status of a word in modern lexicology and lexicography and considers probable criteria for the definition of the status of a dialect word. Any word as an object of lexicology and lexicography, by all means, has a certain status in any language, i. e., occupies a certain position at a lexico-semantic level of a language system. The development of standard terminology and an appropriate notation system has a great methodological value. A study on the status of a dialect word can be useful not only for dialectologists-lexicographers, but also for lexicographers of dialect etymology.